

Пылков Олег Сергеевич

"СРЕДСТВО, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ К СМЯГЧЕНИЮ НРАВОВ ГОРЦЕВ" (О ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КОРЕННУМУ НАСЕЛЕНИЮ)

В статье рассматривается политика российских военных властей в первой половине XIX века на Северо-Западном Кавказе в области развития здравоохранения и оказания медицинской помощи коренному населению региона. Основное внимание автор акцентирует на плодотворном влиянии созданных при прибрежных российских крепостях военно-медицинских учреждений на установление деловых и культурных контактов с горцами, улучшение их состояния здоровья, а также интеграцию края в состав Российской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 158-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 9; 908

Исторические науки и археология

В статье рассматривается политика российских военных властей в первой половине XIX века на Северо-Западном Кавказе в области развития здравоохранения и оказания медицинской помощи коренному населению региона. Основное внимание автор акцентирует на плодотворном влиянии созданных при прибрежных российских крепостях военно-медицинских учреждений на установление деловых и культурных контактов с горцами, улучшение их состояния здоровья, а также интеграцию края в состав Российской империи.

Ключевые слова и фразы: Черноморская береговая линия; «Кавказская война»; укрепление; госпиталь; батальонный лазарет; «мирные» и «неприятельные» горцы; медицинская помощь.

Пылков Олег Сергеевич, к.и.н.

Армавирская государственная педагогическая академия

pylkoleg@mail.ru

**«СРЕДСТВО, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ К СМЯГЧЕНИЮ НРАВОВ ГОРЦЕВ»
(О ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КОРЕННУМУ НАСЕЛЕНИЮ)»[©]**

Присутствие в первой половине XIX века на Северном Кавказе российской армии означало для северокавказских народов не только насильственное подчинение, но и определенные элементы добровольности во взаимоотношениях с этой силой. Одним из эпизодов этого стало лечение горцев в первых медицинских учреждениях края (госпиталях и лазаретах), располагавшихся в российских крепостях.

В 1830-е гг. на Черноморской береговой линии (ЧБЛ) госпитали были заведены в Анапе, Геленджике, Новороссийске, Фанагории, Поти, Озургетах, куда направлялись больные военнослужащие из действовавших здесь отрядов. В каждое устраиваемое на побережье укрепление для оказания первой помощи направлялся лекарь или опытный фельдшер, а также открывались лазареты, которые располагались в батальонных штаб-квартирах [1, с. 865]. В эти и другие лечебные заведения Черномории обращались за помощью не только российские военнослужащие и их семьи, казаки, но и представители северокавказских народов, что поощрялось военными властями [7, д. 1770, л. 1-2; 10, д. 450, л. 5 об.; 16, с. 228].

Примечательно, что ситуация первоначального предубеждения горцев относительно профессиональной медицины, а также недоверие к российским властям и врачам к 30-м гг. XIX в. стала претерпевать изменения. Весомая роль в этом принадлежала политике военных, в том числе и на местах. В циркуляре (сентябрь 1838 г.) начальника первого отделения Черноморской береговой линии воинскому начальнику Новотроицкого укрепления штабс-капитану Мамонтову говорилось: «Предписываю... неприятельных нам горцев, кои будут являться в укрепление, требующих медицинского пособия, тех из них, кои пожелают оставаться в крепости для излечения недугов своих, помещать в лазареты... наблюдая, чтобы в содержании больных горцев не было скудости... равно видом не было допущено лихоимства». Тем же, кто не пожелает остаться «давать с собою медицинские по совету медика средства» [8, д. 6, л. 2].

Горцы различного происхождения и статуса охотно обращались за лечением в российские лазареты и госпитали на Черноморском побережье. Так, анинский комендант полковник фон Бринк докладывал (26 апреля 1839 г.): «9 числа сего месяца явился в крепость Анинскую из горного аула... натухаец Аоев Сохту для излечения его болезни, которой он одержим» [Там же, л. 23]. А войсковой начальник Новотроицкого укрепления докладывал: «24 числа сего месяца прибыл в вверенное мне укрепление больной черкес именуемый Огормет Свен Базруков Силени из аула Беши и остался для пользования в лазарете» [Там же, л. 43].

А в рапорте воинского начальника укрепления Св. Духа за июль 1839 г. сообщалось: «месяца 19-го числа прибыл в укрепление Св. Духа, из селения Сакурипши князь Шер Ахмет Цамба и по случаю болезни просил дозволения лечиться в батальонном лазарете, который с того времени и находится в оном» [Там же, л. 51]. При этом на «содержание и пользование в этом лазарете черкесского князя» Черноморским линейным № 6 батальоном было расходовано 4 руб. 10 коп. серебром [Там же, л. 74].

В 1839 г. свидетелем оправданности подобного циркуляра стал генерал Н. Н. Раевский, который при осмотре форта Вельяминовского в его лазарете обнаружил трех больных горцев, которым дал денег, «обласкал и поручил их особенному надзору медика и воинского начальника» [Там же, л. 24, 43, 51, 74].

При этом, в условиях «Кавказской войны», даже в период военных действий, российские врачи не отказывали в помощи никому из больных, в том числе и «немирным» горцам [Там же, л. 7]. Были примеры, когда чеченцы привозили своих раненых для оказания помощи и после проведения операции (например, ампутации конечности) опять увозили к себе. Выздоровливающие горцы свободно уезжали в свои аулы [13, с. 290]. И в Дагестане помощь оказывалась мирным и немирным горцам. Военные хирурги помогали «неприятельским раненым» и в других уголках региона [4, с. 444; 14, д. 458, л. 12, 16, 19 – 19 об., 27 – 27 об., 40-41, 51-54].

В прибрежные российские крепости за медицинской помощью также обращались немирные горцы. Так, командир Черноморского линейного № 5 батальона майор Мороневский в рапорте от 24 октября 1838 г. сообщал: «доставлен во вверенное мне укрепление Св. Духа из числа неприязненных нам горцев... черкес названный Сугум Амирза и того же числа принят на пользование медицинским средствам в батальонный лазарет от хронической трех лет продолжавшейся ревматической болезни, но со дня поступления в лазарет он почувствовал в себе приметное облегчение его болезни» [8, д. 6, л. 7]. А в рапорте от 6 декабря 1838 г. воинского начальника форта Вельяминовский капитана Пакахристо говорилось: «прибывшие сего числа больные неприязненные нам горцы из реки Пшагати аула Тагай, коих имена Хаудир Нарт, Гуджи Хандхуч, Сапсук Таххич, всего три человека и по согласию их остаться пользоваться помещены в форт Вельяминовском лазарете» [Там же, л. 24].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что число обращавшихся в крепостные лазареты черкесов было достаточно велико. Командир батальона, расквартированного в крепости Геленджик, майор Середин в 1838 г. сообщал коменданту полковнику Витковскому: «Находящиеся в батальонном лазарете вверенного мне батальона черкесских народов со 26 июня по 6 сентября коих в общем поступило в течение того времени на обыкновенное продовольствие 231 человек» [Там же, л. 15].

В рассматриваемый период численность гарнизонов подобных укреплений составляли полторы-две роты, реже один-два батальона (рота – 200-250 чел.), батальон (4-5 рот), взвод (20-30 чел.) [15, с. 53]. При этом среди гарнизонов русских укреплений, часто размещенных в неблагоприятных местах, с отсутствием необходимых средств гигиены, потребностью постоянного труда и боевой готовности способствовали тому, что среди солдат свирепствовали многочисленные болезни, следствием чего была высокая смертность среди гарнизонов [11, с. 135-136]. Например, по 1839 г. генерал Н. Н. Раевский приводил следующие данные: Новороссийск – средняя численность гарнизона 247, заболевших в месяц – 41, умерших в месяц – 9; Кабардинское – 151/38/10; Геленджик – 596/64/13; Новотроицкое – 159/8/1; Михайловское – 138/11/-; Тенгинское – 255/77/21; Вельяминовское – 228/131/27; форт Александрия (Сочи) – 424/96/4; Св. Духа – 544/37/17 [17, с. 4-7].

За медицинской помощью к российским военным стали обращаться и горские женщины. В 1839 г. (по другим данным в 1838 г.) одна черкешенка, по примеру горцев мужчин, несколько раз приходила для лечения в Геленджикский госпиталь, где над ней был установлен «бдительный и ласковый присмотр» [8, д. 6, л. 8]. По распоряжению начальства в прислугу к черкешенке на время ее лечения в госпитале была определена анапская поселанка Нищенкова. Узнав об этом, император Николай I приказал вручить горянке в торжественной обстановке в виде подарка золотую цепочку как поощрение за доверчивость к русским. Лечение горцев император рассматривал как «средство, способствующее к смягчению нравов горцев». Геленджикскому коменданту было предписано: «В присутствии офицеров, находящихся в Геленджике черкесов в лазарете, если можно других, для сего нарочно приглашенных вручить упомянутой черкешенке прилагаемую цепочку» и «объявить ей и присутствующим черкесам, что сия цепочка ей высочайше пожалована за пример доверенности, которая она первая из своего пола оказала... Все больные черкесы обоего пола будут всегда приняты во всех прибрежных укреплениях и что для них в Геленджике куплен мною особый дом» [Там же, л. 8 об.]. Предписание было выполнено, когда черкешенка в очередной раз пришла в крепость [17, с. 12].

Подобные шаги во взаимоотношениях российских властей и горцев означали многократно возросшую степень доверия и определенные подвиги «в смягчении нравов».

В правилах по приему северокавказцев в Анапскую крепость говорилось, что «для лечения горцев не должно дорожить никакими лекарствами» [8, д. 6, л. 65 – 65 об.]. Расходы на содержание и лечение горцев казна брала на себя. По утвержденному императором распоряжению, батальонным командирам за содержание горцев в батальонных лазаретах от комиссариата полагалось выделять по одному рублю ассигнациями в сутки на каждого больного [14, д. 458, л. 3 об.].

На содержание и лечение в лазаретах Черноморской береговой линии больных и раненых горцев расходовались немалые казенные средства. Например, в рапорте командира Черноморского линейного № 4 батальона майора Середина Геленджикскому коменданту говорилось: «Находящиеся в батальонном лазарете вверенного мне батальона горских народов... израсходовано на человека по 1 руб. 66 коп. 380 руб. 75 коп. и тем коим производилось ежедневно на порции из курятины и чаю, считая с 17-го августа по 6 сентября 38 человек на каждого в сутки по 3 руб. 61 коп. 137 руб. 18 коп. и всего причитается денег... пятьсот семнадцать рублей девяносто три копейки» [8, д. 6, л. 4].

В связи с немалыми расходами на лечение контр-адмирал Л. М. Серебряков отмечал, «что содержание больного горца несравненно дороже обходиться будет нежели русского: ему необходимы белый хлеб, баранина, масло, сарачинское или просяное пшено, молоко, мед и т.п. Таково, что порция их не различествует от офицерской в госпиталях порции, полагаемой в 1 рубль ассигнациями в сутки» [Там же, л. 65 – 65 об.].

Нахождение почти во всех российских прибрежных укреплениях в лазаретах больных горцев, часто по несколько человек в одно время, иногда вызывало у военного начальства подозрения. Так, начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Серебряков в 1839 г. писал генерал-лейтенанту Раевскому: «В форте Вельяминовском состоит ныне двенадцать пришедших для пользования горцев, одержимых одними наружными болезнями... Такое скопление людей дерзких, вероломных и по роду болезней не лишенных способности вредить иногда имеет гибельные последствия. Нельзя содержать их запертыми в комнате, чтобы не могли они высмотреть положения укрепления; к тому же в случае заговора горцев и умышленного прихода их под предлогом лечения, им легко будет внутри содействовать условленному за ранее нападению с наружи – и кто тогда ручаться сможет за удачное их отражение. Сверх

того, они стесняют гарнизон, занимая казарму, где помещаются 50 человек. Обстоятельство это относится не к одному форту Вельяминовскому, но вообще по всем укреплениям, где по слабости гарнизонов, присутствие таких враждебных жителей, при вредном замысле – может быть опасным... полагаю по этому необходимо, содержать больных горцев в отдельном строении, с двором и достаточной оградой, где бы запирались... караулом во все время их пребывания, – полагаю достаточными такие для них лазареты учредить в одном или двух более безопасных пунктах вверенного мне отделения» [Там же, л. 46 – 46 об.].

Было решено не принимать в укрепления более шести человек больных горцев в каждое, исключение составили Геленджик и Новороссийск, где «можно иметь до 15 человек в каждое» [Там же, л. 47].

Обращение местного населения за медицинской помощью в лечебные заведения при крепостях зачастую становилось первым шагом на пути к торговле. В рапорте от 9 декабря 1838 г. начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии командующему войсками на Кавказской линии и Черномории утверждалось: «Во все сии укрепления черкесы добровольно являются для лечения, и другие заводят уже меновой торг» [Там же, л. 9]. По словам генерала Н. Н. Раевского, «не было дня, в который бы от 10 до 20 человек не приезжали в форт Раевский для мены и другим надобностям. В Анапу ездили по 25-ти и по 30-ти человек вместе. Окончив свои дела, они всегда являлись к коменданту ~~и~~ изъявлением миролюбивого расположения», а нередко и с просьбой разобрать их споры» [2, с. 347; 18, с. 206].

Обострение ситуации в начале 1840-х гг. на Северо-Западном Кавказе и взятие черкесами на Черноморском побережье укреплений Лазаревское, Головинское, Вельяминовское, Михайловское не привели к кардинальному изменению отношения российских властей и военнотружущих к местному населению [3, с. 50].

Посланный в 1841 г. из Петербурга военным министром флигель-адъютант Астафьев, подробно ознакомившись с укреплениями на Черноморском побережье, сообщал о наличии торговых отношений с горцами. Так, в Новороссийск в большом количестве приезжали натахайцы для мены своих произведений на соль. Успешно меновая торговля велась в Геленджике. В Новотроицком укреплении «меновая торговля была сильно развита», а горцы «питали полное доверие к русским». Их стада паслись у самого укрепления, а сами они, с разрешения капитана Мамонтова, пахали землю рядом с укреплением [19, с. 317]. Это же отмечал и наиб Шамиля Магомет-Амин, который был чрезвычайно удивлен, увидев, что во многих местах жители «пахали землю и сеяли траву рядом с русскими солдатами». Впоследствии он ставил себе в большую заслугу то, что воспрепятствовал близкому сближению этих племен с русскими [12, с. 49].

По-прежнему медицинская помощь и лечение в госпиталях и лазаретах горцев рассматривались как хорошее средство для развития мирных отношений между народами. Черкесов, являвшихся в укрепления «для пользования от болезней», предписывалось принимать и «оказывать им всевозможное пособие, в том уважении, что содержание их продовольствием и медикаментами, принято будет на счет казны». Как отмечалось, эта мера, «способствующая к сближению враждебных до сего времени к нам горцев, и смягчению нравов должно производить благодетельное на них влияние» [8, д. 6, л. 66].

В 1842 г., когда высочайшим указом дозволялось пленным черкешенкам вступать в брак с нижними чинами, в госпитали Анапы, Новороссийска, Геленджика и Сухума было назначено по одной повивальной бабке [6, с. 58]. С гор в крепость Анапу приезжали горские женщины, к которым командование относилось «внимательно», оказывая им помощь. Постепенно увеличивавшееся количество обращавшихся за помощью в российские медицинские учреждения горняков заставило военные власти в 1848-1849 гг. учредить при окружных лазаретах по 5 кроватей для женщин [10, д. 450, л. 2 – 4 об.].

Оправданность подобной мирной политики подтверждали и рапорты местных военных властей. Так, в июле 1845 г. старший доктор Черноморской береговой линии в рапорте начальнику линии сообщал: «По сие время принимают больных черкесов просящих врачебной помощи в госпиталях и лазаретах Черноморской береговой линии или им выдают лекарства на руки, сия человеколюбная мера способствует к мирным сношениям с горцами, привязывает их к нам благодарностью и уважением» [8, д. 6, л. 93].

Подобные доклады лишь укрепляли решимость и уверенность в правильности выбранной тактики действий. В предписании от 14 сентября 1845 г. начальник Черноморской береговой линии вновь приказывал: «Всех больных горцев как враждебных так и покорных как то абхазцев, цебельдинцев и самурзаканцев по их желанию принимать в наши госпитали и лазареты и пользоваться их на казенный счет... больных горцев являвшихся в наши укрепления с просьбою о пособии и не желающих остаться в госпитале или лазарете снабжать лекарствами и необходимыми наставлениями медика относительно употребления их... Медикаменты для пользования горцев принимать также на счет казны» [Там же, л. 96].

В 1852 г. власти принимают решение о помещении женщин в больницу при Екатеринодарской войсковой богадельне [10, д. 658, л. 1]. В том же году в рапорте командующему Черноморской кордонной линией генерал-лейтенанту Рапилину от воинского начальника Абинского укрепления от 13 июля 1852 г. сообщалось, что им были отобраны показания от «добровольно явившейся из гор в Абинское укрепление шапсугского племени замужней черкески Дотен Трукав» [9, д. 1276, л. 7]. Как следует из документов, черкешенка была больна «сильной степенью ревматизмом» и потому обратилась к русским властям с просьбой отправить ее на минеральные воды.

В 1850-е гг. ликвидация в условиях Крымской войны ряда крепостей Черноморской береговой линии, а также последующее восстановление и устройство новых фортификационных сооружений (уже в глубине черкесской территории) не отменили существовавшую практику лечения северокавказцев за счет казны [8, д. 6, л. 119]. Более того, в 1858 г. вышел указ императора Александра II, в котором говорилось: «По Высочайшему повелению больные горцы, как враждебные, так и покорные племена, принимаются по их желанию в госпитали и лазареты и

пользуются на казенный счет, с отпуском батальонным командирам, за содержание горцев в батальонных лазаретах, по одному рублю ассигнациями в сутки на каждого больного от комиссариата (центра медицинского снабжения); больные же горцы, являющиеся в наши укрепления с просьбой о пособии и не желающие оставаться в лазарете, снабжаются лекарством за счет казны». Действие этого указа распространялось на «жителей всех племен, как покорных, так и враждебных нам на Кавказской линии» [5, с. 147-148].

Таким образом, следствием присутствия российской армии на Северном Кавказе в первой половине XIX века было не только вооруженное противостояние, но и определенные шаги в области мирного строительства. Среди них организация на Северном Кавказе первых медицинских учреждений, располагавшихся в российских крепостях.

С момента своего появления на Северо-Западном Кавказе российская система здравоохранения служила средством для улучшения здоровья всего населения этого края. В военных медицинских заведениях помощь, помимо военных, оказывалась и северокавказцам (мужчинам и женщинам, представителям разных социальных групп и политической ориентации – «мирным» и «неприятным»), которые по желанию либо могли получать стационарное лечение, либо бесплатные лекарства для приема на дому.

Постепенно горцами осознавалась потребность, а подчас и острая жизненная необходимость в обращении к профессиональной медицине. Оказание медицинской помощи становилось первым шагом для углубления сотрудничества. Выздоровевшие горцы затем приходили в российские крепости торговать. Это способствовало расширению мирных связей народов, в чем объективно были заинтересованы и российская сторона, и широкие слои горцев.

Список литературы

1. **Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею.** Тифлис, 1881. Т. VIII. 1009 с.
2. **Архив Раевских.** СПб., 1910. Т. III. Письма 1839-1841 гг. 718 с.
3. **Блиев М.** «Кто вы: друзья наши или враги?». Стремился ли Петербург к «покорению» и «геноциду» черкесов // *Родина*. 2006. № 5. С. 47-53.
4. **Ван-Гален Х.** Два года в России // *Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 гг.* СПб.: Журнал «Звезда», 2002. 552 с.
5. **Василенко В. Г.** Распространение российской системы здравоохранения на Северном Кавказе в дореволюционный период // *Мир славян Северного Кавказа*. 2007. Вып. 3. С. 139-149.
6. **Герасименко А., Санеев С.** Новороссийск – от укрепления к губернскому городу (хронология исторических событий возникновения и развития Новороссийска со времени заключения Адрианопольского мирного договора до декабря 1917 года). Краснодар: Эдвин, 1998. 424 с.
7. **Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).** Ф. 249. Оп. 1.
8. **ГАКК.** Ф. 260. Оп. 1.
9. **ГАКК.** Ф. 261. Оп. 1.
10. **ГАКК.** Ф. 373. Оп. 1.
11. **Клычников Ю. Ю.** К оценке ситуации на Черноморских береговых укреплениях в 30-е гг. XIX в. // *Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения: материалы международной научной конференции.* Армавир, 2002. С. 133-137.
12. **Матвеев О. В.** Имперское мышление в исторических судьбах народов Северного Кавказа // *Вопросы Северокавказской истории.* Армавир, 1996. Вып. 1. С. 48-55.
13. **Очерки истории Чечено-Ингушской АССР:** в 2-х т. Грозный, 1967. Т. I. 390 с.
14. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 13454. Оп. 2.
15. **Санеев С. А.** Военный подвиг Новороссийска // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 7. С. 52-55.
16. **Свод военных постановлений. 1869.** Изд-е 2-е. СПб., 1907. Кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству (по 1 янв. 1907 г.). 396 с.
17. **Фелицын Е. Д.** Описание восточного берега Черного моря, составленное в 1839 году генералом Н. Н. Раевским (материалы для истории Кубанской области). Екатеринодар, б/г. 29 с.
18. **Филипсон Г. И.** Кавказская война. Воспоминания. М., 1885. 359 с.
19. **Щербина Ф. А.** История кубанского казачьего войска: в 2-х т. Репринтное воспроизведение изд. 1913 года. Краснодар, 1992. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. 880 с.

“MEANS CONTRIBUTING TO SOFTENING MOUNTAINEERS’ CUSTOMS” (POLICY OF THE RUSSIAN MILITARY AUTHORITY ON MEDICAL ASSISTANCE TO INDIGENOUS PEOPLE IN NORTHWEST CAUCASIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

Pylkov Oleg Sergeevich, Ph. D. in History
ArmaVir State Pedagogical Academy
pylkoleg@mail.ru

The article considers the policy of the Russian military authority on the development of health care and medical assistance to indigenous population in Northwest Caucasia in the first half of the XIX century. Special attention is paid to the influence of military medical institutions created under the Russian coastal fortresses on the establishment of business and cultural contacts with the mountaineers, on the improvement of their health status, as well as on the integration of the territory into the Russian Empire.

Key words and phrases: the Black Sea coastline; “The Caucasian War”; strengthening; hospital; battalion infirmary; “peaceful” and “hostile” mountaineers; medical care.